

18+

Никита Завадский

ФЕЙТХОЛМ

место где исчезает всё

Никита Завадский

Фейтхолм. Место, где исчезает всё

«Издательские решения»

Завадский Н.

Фейтхолм. Место, где исчезает всё / Н. Завадский —
«Издательские решения»,

1740 год. Британский бриг «Надежда» идет в Америку с трюмом, полным каторжников. В открытом море корабль настигает туман, живой и плотный, как стена. Он не рассеивается, и «Надежда» садится на мель у острова, которого не существует на картах. Нечто злое обитает в этих землях и начинает убивать людей. Одного за другим. Но тела не съедены — они сломаны, изувечены. Получится ли у героев выбраться и смогут ли они разгадать загадки, которые таит этот остров?

© Завадский Н.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1	9
1	9
2	12
3	16
ГЛАВА 2	21
1	21
2	24
3	29
ГЛАВА 3	33
1	33
2	35
3	38
4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Фейтхолм

Место, где исчезает всё

Никита Завадский

© Никита Завадский, 2026

ISBN 978-5-0070-5630-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Темнота сгустилась, дождь хлестал по лицу, туман клубился между деревьев. Крепкий мужчина в промокшем плаще вышел на поляну и направился к маяку. Он постучал в дверь — три глухих удара.

Дверь осторожно приоткрылась. На пороге стоял тощий, высокий человек с впалыми щеками и лихорадочным блеском в глазах. Гость опустил капюшон.

— Привет, Генри.

— О Господи... — выдохнул хозяин, отступая на шаг. — Не может быть! Ты жив? Заходи быстрее! — он отступил, пропуская гостя. — Ты цел?

— Да, всё в порядке.

— Как ты всё это время выживал? Неужели Томас...

— Давай не будем об этом, — перебил гость. — Не хочу вспоминать. Генри опустил взгляд, голос его дрогнул:

— Ты знаешь... прости. Томас запудрил нам мозги. Я не хотел в этом участвовать.

— Всё нормально, — гость положил руку ему на плечо. — Не переживай.

— Ты голоден? Мне повезло вчера поймать зайца в силки.

Генри помог снять промокший плащ, взял сумку гостя — старую, кожаную, потёртую — и повесил их на крюк, вбитый в стену у входа. Внутри маяка пахло сыростью, дымом и варёным мясом. В очаге потрескивали дрова, освещая грубый стол и скамью. В углу покосившийся шкаф. Мебели не много, но самое необходимое присутствовало.

— Сюда, присаживайся, — Генри указал на место у стола, убирая с него всё лишнее.

Гость сел, провёл ладонью по столешнице — гладкой и засаленной. Поднял голову и увидел на стене, у лестницы, чёточки — десятки, сотни, сгруппированные по пять, как календарь.

— Сколько ты уже здесь? — спросил он, не оборачиваясь.

— Около года, — ответил Генри, доставая из шкафчика деревянную тарелку и ложку.

— Время летит быстро.

— Да, — Генри налил из котелка густую похлёбку, поставил перед гостем. — Я уже и не думал, что увижу хоть кого-нибудь. Я очень рад, что с тобой всё в порядке.

Он повесил котелок обратно на крюк над очагом.

Они ели в тишине. Только дрова потрескивали да ветер выл за стенами. Гость доел, отодвинул тарелку, огляделся.

— Так чем ты тут всё это время занимался? — спросил он. Генри вытер рот рукавом, откинулся на спинку скамьи.

— Да чем придётся... Делал мебель, заготавливал дрова, ставил силки. Выживал. Гость не ответил, только кивнул.

— Ты, наверное, сильно устал? Идём, — сказал Генри, поднимаясь. — Покажу, где лечь.

Они поднялись по винтовой лестнице. На втором этаже, в каморке, стояла кровать с соломенным тюфяком, накрытая старым одеялом.

— Здесь можешь спать, — Генри указал на кровать.

Гость посмотрел на сундук, стоящий в углу. На сундуке лежала прижатая камнями бумага с каким-то наброском.

— Что это? — спросил он меняясь в лице.

— Это карта острова — ответил Генри. — Я перерисовываю её с пола. Там на самом верху маяка.

— Как я мог забыть. — Почти шёпотом проговорил гость.

— Что? Что ты имеешь ввиду?

— Где амулеты, Генри? — не дружелюбным тоном спросил он.

— Какие амулеты? — Хозяин замешкался, попятился к лестнице.

— Не строй из себя дурачка. — Гость медленно двинулся следом.

— Нет... нет... я не могу их отдать. — он вцепился в перила.

— Не можешь, а должен!

Генри спустился на несколько ступеней, всё ещё пятась.

— Без них я не выживу, ты же знаешь! — Генри спустился на первый этаж.

— Они не твои, — гость выделил каждое слово. — Пришло время расстаться. — он посмотрел на нож с широким лезвием, лежащий на столе. — Твоё время пришло. Хозяина одолел ещё больший страх.

— Ты этого не сделаешь! — голос Генри сорвался на крик. — Ты... ты не такой. Я знаю тебя!

— Люди меняются, Генри.

Генри рванул к двери, но гость оказался проворнее.

Нож вошёл в спину Генри с глухим хрустом, пробил насквозь, выйдя из груди. Хозяин выгнулся, скорчился от боли. Кровь начала капать на каменный пол. Он попытался достать нож, но руки не дотягивались. Генри потянулся к стене возле входной двери, ухватился пальцами за край доски, рванул, но силы покинули его. Ноги подкосились, и он рухнул на бок у самого порога.

Генри поднял голову, посмотрел на гостя. Тот стоял, опустив руки, и на его лице застыла злорадная улыбка. Генри попытался что-то сказать, но изо рта вытекла только кровь, и дыхание его оборвалось.

Гость подошёл, присел на корточки, провёл ладонью по лицу Генри, закрывая ему глаза. Откинул ворот и заметил веревку на шее, потянув которую достал треугольную пластину черного цвета и сразу сунул себе в карман. Потом выпрямился, вытер руки о штаны. Подошёл к вешалке, накинул свой плащ, взял сумку. Посмотрел на доску, которую хотел вырвать Генри и приложил к ней ненадолго руку. После поднялся на второй этаж, подошёл к карте и несколько раз провёл углём по бумаге, добавляя пометки. Скрутил карту и сунул в сундук.

Затем он пошел выше по лестнице и, заметив в ступенях трещину, остановился. Достал из сумки сверток с черным порохом, затолкал его в трещину, вставил длинный шнур и поджёг его. Затем быстро спустился вниз, вышел за порог и отбежал в сторону.

Из дверей вырвался раскатистый взрыв. Лестница рухнула, обломки камня и дерева разлетелись по первому этажу.

Гость повернулся и пошёл прочь в туман.

ГЛАВА 1

1

Бриг «Надежда» шёл на запад двадцать третий день. Сентябрьское небо над Атлантикой висело низким свинцовым брюхом, обещая шторм, но пока только дразнило холодными брызгами. Капитан Томас Грейвз стоял на полюте, вцепившись в поручни, и смотрел вперёд — туда, где серая пелена сливалась с водой. Высокий, крепкий, с широкими плечами, он держался прямо, как человек, привыкший к команде и ответственности. Лицо его, обветренное и загорелое до коричневатости, было изрезано ранними морщинами — особенно глубокими у глаз и в углах рта. Ему только исполнилось тридцать восемь, но седина уже густо пробивалась в тёмных волосах на висках. Левую руку, покрытую сетью старых шрамов, он слегка прижимал к борту — память о сабельном ударе в давнем бою. Серые глаза смотрели тяжело и устало, как у человека, который слишком много видел и слишком мало спал.

Туман поднимался с океана медленно, как дыхание спящего зверя.

— Ещё полчаса, и ничего не увидим, — сказал штурман Эллис, пожилой человек с картой, разложенной на нактоузе. — Может, убавим ход?

— Нет. — Грейвз даже не повернул головы. — Мы и так потеряли две недели из-за шторма у Азор. Контракт в Мэриленде подписан до первого ноября. Опоздаем — штраф съест половину прибыли.

— Но туман, сэр...

— Я знаю эти воды. — Капитан наконец взглянул на штурмана, и тот опустил глаза. — Мы на параллели Ньюфаундленда. Здесь чисто. Ни рифов, ни банок. Просто держи курс.

Эллис кивнул, но брови его остались сведёнными. Он перегнулся через планшир, силясь разглядеть хоть что-то за кормой, но «Надежда» уже входила в молочную стену. Вахтенные на баке зажгли фонари — тусклые пятна в липкой тьме. Грейвз постучал пальцами по поручню. Он торопился. Всегда торопился. Слишком многое зависело от этого рейса.

Боцман Джейкоб Марш поднялся на мостик, отряхивая с куртки солёную изморось. Квадратная челюсть, узкие глаза, руки в татуировках — бывший капер, он и на торговом судне оставался человеком, которого боялись. Даже матросы обходили его стороной.

— Капитан, — Марш козырнул без особой почтительности, — у меня доклад.

— Слушаю.

— Ещё двое за ночь. — Боцман достал засаленную тетрадь, раскрыл на заложенной странице. — Оуэнс и Бейкер, заключенные. Сначала жар, потом кровь горлом. Та же самая история, что и с остальными.

Грейвз сжал челюсти. Он знал, что спросит, и боялся ответа.

— Сколько всего?

— За три недели — семь мертвецов. Трех скормили акулам на прошлой неделе, остальных... — Марш махнул рукой в сторону кормы, где в трюме лежали тела, зашитые в парусину.

— Семь, — повторил Грейвз, и голос его стал тише. — Это недопустимые потери.

— Недопустимые, — согласился Марш. — А всё ваш лекарь. Точнее, его отсутствие. Утонуть в первую же ночь после отплытия из Бристоля — не успели якорь поднять. Немыслимо. И теперь мы вынуждены полагаться на этого... — он махнул рукой в сторону люка, ведущего в трюм, — проходимца.

— Он не лекарь. Он заключённый.

— Заключённый, который лечит лучше любого нашего судового медика, — нехотя признал боцман. — И в том беда. Матросы к нему за советом бегают, как к священнику. Подрывает дисциплину. Капитан, это опасно. Грейвз резко повернулся, и Марш сделал полшага назад.

— Запомни, боцман. Алекс Ренвик — бывший хирург, осуждённый за дуэль и вольнодумство. Он полезен, пока лечит мою команду. Но если он переступит черту — выбросить за борт вместе с цепями. Ты понял?

— Так точно, сэр. — Марш одобрительно кивнул головой.

Капитан всмотрелся в туман, показывая своим видом, что разговор окончен.

— И распорядись, чтобы навели порядок в трюме. А то воняет так, что на палубе слышно.

Боцман ещё раз кивнул и ушёл, капитан остался один на мостике. Сырой ветер трепал полы его сюртука. Он думал об Элиноре. О том, зачем взял её в это плавание. Два года назад она была дочерью разорившегося викария — тихая, начитанная, с зелеными глазами, которые видели больше, чем позволяли говорить. Ей было всего лишь двадцать лет от роду, тёмно-русые волосы, которые она всегда убирала в строгий пучок, но непослушные пряди то и дело выбивались. Лицом она вышла не в отца-викария, а в мать — тонкие черты, высокие скулы. Она была невысокой, хрупкой, но в её движениях чувствовалась скрытая пружина — та энергия, которую она прятала под слоем смирения и вышитых воротничков. Грейвз часто ловил себя на мысли, что взял в жёны не ту, кого можно оберегать, а ту, кто сама способна защитить. И это пугало его больше, чем любой шторм. Он предложил ей руку, дом и защиту. Она согласилась. Но когда он сказал, что перевозит каторжников и преступников — она побледнела, но не отказалась. Сказала только: «Ты капитан, Томас. Я твоя жена. Где ты, там и я».

Глупость. Или отвага. Он не разобрал до сих пор.

Но этот рейс — последний. Грейвз сжал поручни, вглядываясь в туман. В Мэриленде его ждала не просто разгрузка цепного груза. Ему предложили должность — смотрителя портовой стражи. Честная работа, твёрдое жалованье, дом на твёрдой земле. И Элинора рядом. Никаких больше трюмов, забитых людьми, никаких смертей в пути, никакой грязи, которая прилипала к рукам и не отмывалась. Он представил, как они стоят на крыльце собственного дома, и ветер пахнет не солёной гнилью, а сосной и яблоками. Всё это будет. Осталось только довести «Надежду» до места.

— Капитан? — Голос Элинора раздался с трапа. Она поднялась на мостик в тёплой шали, с книгой под мышкой. — Тебе не спится?

— Я на вахте, Элинора. Ступай в каюту, здесь холодно.

— Мне не холодно. — Она встала рядом, вглядываясь в туман. — Мы скоро придём?

— Если ветер не сменится — через неделю. Может, меньше.

— А что с больными? Боцман сказал, ещё двое умерли.

— Боцман болтает лишнее. — Грейвз нахмурился. — Не ходи в трюм, Элинора. Там дурной воздух.

— Я не хожу. — Она помолчала. — Но я передала книгу тому заключённому. Ренвику. Через надсмотрщика. Он просил.

Капитан замер. Потом медленно повернулся к жене.

— Какую книгу?

— «Трактат о живописи». Она лежала в капитанской каюте, ты же не читаешь... — Она осеклась, увидев его лицо. — Томас, ему нечем заняться. Он лечит людей. Он умён. Я думала...

— Ты думала? — Голос Грейвза стал железным. — Этот человек — убийца. Он застрелил офицера на дуэли, посещал запрещённые клубы, где обсуждали, как свергнуть короля. Он опасен. И я запрещаю тебе передавать ему что-либо. Ясно?

Элинора опустила глаза. Книгу прижала к груди.

— Ясно, не злись.

Грейвз демонстративно отвернулся.

— Ладно, пойду в каюту. — сказала она тихо и ушла вниз.

Капитан глянул ей вслед, чувствуя, как внутри закипает старая, глупая ревность. Он видел, как она смотрела на того заключённого. Сквозь решётку, мельком — но смотрела. И хирург ответил ей взглядом, полным не жалости, а понимания.

— Проклятье, — выдохнул Грейвз и стукнул кулаком по поручню.

2

В трюме пахло потом, болезнью и гнилой соломой. Толпа заключённых сидела вдоль бортов, скованные попарно. Масляная лампа качалась на балке, отбрасывая прыгающие тени. Алекс Ренвик сидел в углу на тощем тюфяке, перебирая тряпки — самодельные бинты из разорванной рубахи. Руки его были в засохшей крови, но не своей. Сам он был невысок, жилист, с бледным заострённым лицом, которое даже в полутьме трюма казалось слишком светлым. Тёмные волосы, давно не знавшие ножниц, падали на лоб неровными прядями. Глаза — пронзительные, тёмно-карие, почти чёрные — смотрели из-под насупленных бровей с той спокойной внимательностью, которая бывает у людей, привыкших видеть боль и смерть. Ему было около тридцати трёх, но измождённое лицо и ранняя седина на висках прибавляли десяток лет.

— Ренвик, — прошептал сосед, молодой парень по имени Кит, осуждённый за кражу овцы. — Ты зачем того матроса лечил? Он же нас бьёт.

— Он человек, — ответил Алекс, не поднимая головы. — И у него было воспаление. Я мог помочь.

— А он тебя потом цепью по спине...

— Мог. Но не ударил. — Алекс поднял глаза. На которых виднелись красные прожилки от недосыпа. — Кит, когда ты поймёшь: на этом корабле все — люди. Капитан, матросы, мы. Разница только в том, у кого ключ от кандалов.

В дальнем углу трюма кто-то забормотал. Старик Билл — седой, сторбленный, с лицом, изрезанным морщинами, как старая карта. Он сидел отдельно, обхватив колени, и раскачивался вперёд-назад. Кожа на его руках была тонкой, почти прозрачной, с лиловыми прожилками вен. На левом запястье, выглядывая из-под рваного рукава, темнел плетённый браслет — выцветший, из грубых ниток, с привязанной к нему маленькой раковиной улитки, выточенной из старой кости. Браслет был явно детским, слишком коротким для его тонкой, старческой руки, и смотрелся на старике глупо. Губы его шевелились, но слов было не разобрать. Иногда он замолкал, открывал глаза — странные, слишком светлые, почти белые — и смотрел в пустоту.

— Билл, — позвал Алекс. — Билл, ты как?

Старик не ответил. Только забормотал громче. Заключённые переглядывались. Они боялись его. Говорили, что он убил семью и поджёг дом. Другие шептали, что он был на судне, которое пропало, и вернулся не тем, кем уходил. Третьи крестились, когда он проходил мимо.

— Оставь его, — сказал Кит. — Он безумный.

— Безумный? — усмехнулся Сайкс, сидевший через два человека. Ему было под сорок пять, крепкий, коренастый, с лицом, изрытым оспой и обветренное до черноты. Солдатская выправка осталась при нём, даже в кандалах и рваной робе. Говорил он не спеша, растягивая слова, и казалось, что у него на любой случай припасена байка — страшная, смешная или поучительная, но всегда с намёком. — Ты не слышал, как он попал сюда, парень? Говорят, Билл был плотником на купеческом бриге. Их корабль сбился с курса у берегов Новой Шотландии

и пропал на три месяца. Когда судно нашли — оно дрейфовало пустым, только он один лежал в трюме живой. А вокруг него на полу были нацарапаны знаки. Никто не смог их прочесть. С тех пор старик бормочет на своём языке и смотрит сквозь людей. Он не безумный, Кит. Он одержимый.

Сайкс замолчал, и в трюме повисла тишина, нарушаемая только мерным раскачиванием лампы.

— Или единственный здесь, кто видит правду, — усмехнулся Алекс, надеясь разрядить напряжение дешёвой шуткой. Но его слова повисли в воздухе, как те самые клочья тумана. Никто не засмеялся. Даже Кит уставился на него с недоумением.

Он снова взялся за тряпки. Из-под рубахи, которая лежала возле тряпок, он достал книгу — ту самую, которую передала Элинор. Он прочёл её за ночь, пряча от надзирателей. «Трактат о живописи». Рисунки да Винчи, пропорции — Леонардо видел геометрию во всём. Алекс находил это занятным, но не более. Он захлопнул книгу и спрятал назад под рубаху — пусть лежит, иногда приятно отвлечься и поразмышлять над творениями великого человека.

Туман, который сгушался над океаном, был слишком плотным. Слишком живым.

— Вахта! — крикнул сверху голос матроса. — Вахта, туман не рассеивается. Капитан велел не снижать ход.

Сквозь щели палубы просачивались клочья белой мглы. Алекс почувствовал холод, пробирающий до костей. Рядом закашлял Кит — глухо, надсадно. За ним — ещё один. Туман опускался в трюм, заполняя лёгкие сыростью.

— Земля! — Голос с марса прозвучал резко, как удар. — Земля по курсу!

И тут же — скрежет. Удар, от которого «Надежда» подскочила, словно подброшенная гигантской рукой. Алекс ударился головой о бимс. Кандалы лязгнули. Кто-то закричал. Вода хлынула в пробоину холодным, солёным потоком.

— На мель сели! — заорал сверху боцман. — Все наверх! Бросай шлюпки!

Трюм наполнился криками. Алекс рванул цепь, но она держала. Рядом завывал Кит. Старик Билл не кричал. Он стоял посреди хаоса, глядя в потолок, и что-то говорил.

Но из-за шума слова было не разобрать.

Туман ворвался внутрь, съедая свет лампы. Алекс почувствовал, как что-то холодное коснулось его щеки. Или ему показалось?

Корабль накренился. Вода поднималась.

— Наверх! — заорал Алекс, перекрывая грохот. — Кто может — выбирайтесь! Иначе утонем!

Но цепи держали крепко. Сквозь шум и крики он услышал, как кто-то пробивается в трюм. Два матроса с фонарями и связкой ключей — видно, капитан велел освободить заключённых, чтобы те не утонули как крысы в клетке. Они торопливо отпирали замки, крепившие

цепи к шпангоутам, но сами кандалы не снимали. Заключённые, всё ещё скованные попарно, заковыляли к трапу, спотыкаясь и толкаясь.

Один из матросов добрался до Алекса, у которого пары не было, вставил ключ, повернул — железо лязгнуло, освобождая его от крепления. Ноги остались соединёнными короткой цепью. Он мог идти, но не бежать.

— Живее! — крикнул матрос и побежал к следующему.

Алекс помог Киту подняться. Тот был скован с каким-то перепуганным юнцом, и они путались в цепи. Вода уже доходила до щиколоток. Старик Билл, также без пары, стоял не двигаясь, уставившись в потолок.

— Билл! — заорал Алекс. — Иди!

Старик вздрогнул, словно очнулся, и медленно пошёл к трапу, перешагивая через обломки.

Алекс выскочил на палубу. Туман был таким густым, что он не видел ни носа, ни кормы. Фигуры матросов металась как тени. Где-то плакала Элинора — он узнал бы её голос из тысячи.

— Шлюпки на воду! — орал боцман. — По два человека! Оружие взять!

Грейвз стоял у правого борта, прижимая к себе жену. Рядом с ним сустились Марш и двое матросов. Капитан заметил Алекса, скованного по ногам, и скривился.

— В левую шлюпку! — крикнул он, указывая на другую сторону. — Живо!

Марш уже спускал шлюпку с правого борта. Грейвз помог Элиноре перелезть через планшир, сам прыгнул следом.

Алекс, хромя из-за короткой цепи, пошёл к левому борту, где матросы торопливо отвязывали вторую шлюпку. В неё набились заключённые — кто сам, кого подталкивали. Кит, Сайкс, ещё несколько человек. Старик Билл молча сполз по верёвочной лестнице и упал на дно.

— Только без глупостей, — рыкнул матрос с мушкетом, указывая Алексу на место.

Шлюпка ударилась о воду. Кто-то навалился на вёсла. Туман сжимался со всех сторон, холодный, липкий. Алексу показалось, что мгла шевелится — не от ветра, а сама по себе.

— Гребём к берегу! — скомандовал матрос. — Если он вообще есть.

Они гребли вслепую. Сзади кричали с тонущего брига, но крики быстро затихали, поглощённые туманом. Алекс оглянулся — «Надежды» уже не было видно. Только белая пустота.

— Земля! — выдохнул кто-то на носу.

Шлюпка ткнулась в песок. Заключённые, хромя и падая, вывалились на берег. Алекс ступил на твёрдую почву и огляделся. Ничего, кроме серой мглы. Где капитан, где Элинора — неизвестно.

— Где остальные? — спросил Кит, стуча зубами.

— В тумане, — ответил Алекс. — Как и мы.

Из белой стены доносились крики — тревожные, испуганные. Алекс всмотрелся в туман, но увидел только серую муть.

3

Шлюпка ткнулась в песок, и Алекс вывалился на берег. Вода доходила до колен — холодная, мутная. Вслед за ним выбрались Кит, Сайкс, старик Билл и ещё шестеро заключённых, скованные попарно. Матрос с мушкетом, правивший шлюпкой, спрыгнул последним, огляделся и выругался.

— Где это мы? — спросил Кит, стуча зубами.

— Да кто его знает. — ответил один из заключённых.

— И что теперь?

— Не знаю. — раздражённо ответил матрос. — Капитан приказал ждать здесь.

С юга, из молочной мглы, доносились глухие удары — волны били в корпус «Надежды». Корабль сидел на мели, накренившись на левый борт, и казался призрачным: мачты уходили в туман, палубы не было видно, только чёрный борт с выступающими рёбрами шпангоутов.

Алекс оглядел берег. Песок, серый и мелкий, тянулся в обе стороны, насколько хватало глаз. Впереди, за узкой полосой пляжа, начинались невысокие скалы, поросшие жёсткой травой и корявым кустарником. Никаких следов человека. Никаких признаков жилья.

— Земля, — сказал Сайкс безрадостно. — И что с того?

— То, что мы не утонули, — ответил Алекс.

— Это ещё не повод радоваться, — хмуро сказал Сайкс, потирая затёкшие запястья.

— Я слышал одну историю — не знаю, ложь или нет, но старый штурман в Портсмуте рассказывал. Будто есть в этих широтах места, где туман никогда не расходится. И если корабль заходит в такой туман, то назад дороги нет. Острова там, говорит, живые. Ждут, когда люди сойдут на берег, а потом... — Сайкс понизил голос, и остальные невольно придвинулись. — Потом они исчезают. Все. И корабль, и люди. Только туман остаётся.

Кит побледнел и машинально перекрестился.

— Брехня, — сказал один из матросов, но голос его дрогнул.

— Может, и брехня, — усмехнулся Сайкс. — А может, нет. Только никто из тех, кто туда заходил, не вернулся, чтобы рассказать.

— Сайкс, — оборвал его Алекс, — ты своими байками людей пугаешь. Это просто туман и просто земля.

Но Сайкс только пожал плечами и отвернулся к морю.

Из тумана вынырнула вторая шлюпка, затем третья. Люди выпрыгивали на берег, кашляли, помогали друг другу. Матросы тащили ящики с припасами, вёсла, свёртки с парусиной. Капитан Грейвз выбрался на песок, поддерживая Элинора. Она была бледна, но держалась прямо.

— Марш! — крикнул Грейвз. — Построить команду. Всех пересчитать.

Боцман, промокший до нитки, забежал вдоль берега, хватая людей за плечи, толкая в строй.

— С левой шлюпки восемь человек! С правой — семеро! С кормовой — шестеро... — докладывал он, тыча пальцем в грязный лист. — ...итого сорок один, капитан. Плюс вы и супруга — сорок три.

— А где еще двое? — спросил Грейвз. — На «Надежде» было сорок пять душ.

— Не успели сесть в шлюпку, сэр. — Марш сплюнул. — Или утонули.

— Отправить людей на борт. Забрать всех, кто жив. И припасы. — Капитан повернулся к штурману Эллису, который стоял поодаль, держась за голову. — Эллис, ты можешь определить, где мы?

Штурман помотал головой.

— Туман, сэр. Ни солнца, ни звёзд. Компас врет — чувствую, рядом железо. Может быть, скалы.

— Определяй по течению. Ты же штурман, чёрт возьми.

Грейвз отдал ещё несколько приказов, и матросы, чертыхаясь, побрели обратно к шлюпкам, чтобы грести к тонущему бригу. Заключённых оставили на берегу под присмотром двух вооружённых матросов.

Алекс сел на песок, прислонившись спиной к холодному камню. Ноги в кандалах затекли. Кит пристроился рядом.

— Что теперь будет? — спросил он шёпотом.

— Для начала — лагерь, — ответил Алекс. — Капитан не бросит корабль, если его можно починить. Значит, будем здесь несколько дней. Может быть, неделю.

— А потом?

— Потом — Мэриленд. Или виселица, если сбежим.

Кит не ответил. Он смотрел в туман, где смутно угадывались силуэты матросов, карабкающихся на борт «Надежды». Корабль медленно оседал, вода уже доходила до фальшборта.

Через час матросы вернулись с провизией — солонина, сухари, вода и прочее. Людей с корабля больше не привезли.

— Двое остались в трюме, — доложил Марш. — водой залило. Не жильцы. Грейвз кивнул, с раздражением на лице.

— Разбить лагерь выше, на скалах. Найти источник пресной воды. Отправить разведчиков. Нужно понять где мы, черт побери, находимся!

— Есть, сэр! Вы двое! — Марш указал на матросов. — Идите на запад вдоль берега, ищите ручей. Вы двое на восток. До заката вернуться в лагерь! Теперь вы. — Обратился к другим раздавая приказы.

Вскоре работа закипела. Все занимались лагерем. Развели костёр из плавника и сухих веток, натянули парусину между скалами, разложили припасы. Отдельно поставили палатку для капитана. Вбили в песок толстые колья, натянули между ними верёвки, сверху накинули большой кусок парусины — тот, что сняли с запасной бизани. Края придавили камнями, чтобы ветер не срывал. Внутри, у дальней стенки, отгородили занавеской из такой же парусины угол — для сна. В передней части поставили складной стол и рундук, служивший сиденьем. Палатка вышла просторная, почти как каюта.

Отдельно от палатки, в стороне от костра, вбили в землю частокол из заострённых кольев высотой около двух ярдов, обнеся им небольшую площадку. Сверху, на четырёх врытых столбах, натянули кусок парусины — навес от дождя и тумана. Внутри набросали плащей и сухой травы — здесь должны были ночевать заключённые. Ограждение вышло крепким; поверху натянули верёвку, чтобы никто не вздумал перелезть. Частокол отделял их от остального лагеря, но оставлял на виду — под присмотром часовых.

Пока все разбивали лагерь Элинор помогала перевязывать раненых — у одного матроса была рассечена голова, у другого вывихнуто плечо. Алекс попросил разрешения осмотреть их.

Грейвз помедлил, покусывая губу. Своего лекаря они потеряли, а среди матросов не нашлось никого, кто умел бы делать больше, чем приложить подорожник и замотать тряпкой.

— Делай, — бросил он сквозь зубы. — Но без фокусов. И чтобы под присмотром.

Марш кивнул одному из матросов, и тот встал у Алекса за спиной, держа руку на пистолете. Хирург опустился на колено перед раненым — молодым парнем лет двадцати, у которого голова была залита кровью.

— Свету дайте, — попросил Алекс.

Элинор поднесла фонарь. Алекс осторожно раздвинул волосы, осмотрел рану. Глубокая, но не смертельная. Кость цела.

— Промыть и зашить, — сказал он. — Нитки и игла есть в судовой аптечке. Если её, конечно, вытащили.

— Вытащили, — буркнул Марш. — Ящик с медикаментами на берегу.

Аккуратно, привычными движениями, Алекс очистил рану, наложил швы. Раненый шипел, но терпел. Второй, с вывихнутым плечом, оказался проще — рывок, хруст, и сустав встал на место.

— Дня три не напрягать, — сказал Алекс, поднимаясь. — А вы, обращаясь к первому, следите, чтобы не загноилось.

Грейвз наблюдал за ним из-под насупленных бровей, но ничего не сказал. Работа была сделана чисто, и он это признавал, хоть и молча.

— Отойди к своим, — велел капитан.

Алекс кивнул и побрёл к группе заключённых, которые уже разместились за частоколом. Двое здоровых мужиков, сидевшие с краю, переглянулись и зашептались.

— Ночью сбежим, — сказал один, коренастый, с татуировкой якоря на руке. — В тумане нас не найдут.

— Куда? — спросил второй, помоложе.

— Найдём куда. Лишь бы подальше от этих ублюдков.

Другие заключенные слышали их, но не вмешивались. Сайкс сидел поодаль, молча. Он словно бы и не замечал этих разговоров.

Алекс тоже молчал. Он прижался к забору и через щель смотрел на Элинора, которая стояла у костра, грея руки. Она повернулась, посмотрев на частокол и Алекс почувствовал, что она ищет взглядом его, но, к сожалению, не заметит за этим ограждением. Ему хотелось крикнуть, что он здесь, что смотрит на неё, но она уже отвела глаза.

Солнце, если оно вообще существовало за туманом, начало клониться к закату. Свет стал серым, тени исчезли. Грейвз подозвал боцмана.

— Марш, докладывай.

— Лагерь обустроен, сэр. Провизия с корабля доставлена, заключённые размещены, часовые выставлены. Но есть одна проблема, сэр.

— Какая?

— Разведчики, что пошли на восток, не вернулись.

— А другие?

— Ничего не нашли. Туман, сэр. В пяти шагах ничего не видно. Грейвз помедлил, стиснув челюсти.

— Если до рассвета не вернутся — отправь поисковый отряд. — Он понизил голос. — Что с кораблём? Осматривали?

— Да, сэр. — Марш достал из кармана мятую бумажку. — Пробоина в левом борту ниже ватерлинии — приличная дыра, доски вырвало, два шпангоута треснули. Если работать не покладая рук, может, за неделю залатаем. Материал есть — доски из внутренней обшивки, пакля, смола. Но нужны люди, сэр.

— Люди будут. — Капитан покосился на заключённых. — Как с провизией?

— Плохо, сэр. — Марш почесал затылок. — При ударе о камни несколько бочек разбило, воду залило в трюм. Половину сухарей и солонины не спасли — всё испортилось. То, что осталось, едва на неделю, если понемногу. Сухарей — на пять дней, солонины — на три. Воды осталось на два дня — несколько бочек дало течь. Без пресной воды мы не протянем, сэр.

Грейвз поморщился.

— Значит, завтра утром ищем воду и одновременно чиним корабль. — Грейвз понизил голос почти до шёпота. — Отбери заключенных, которые не будут создавать проблем, пускай работают.

Марш посмотрел на частокол.

— Кандалы придётся снимать. С ними толку от таких работников.

— Главное контроль. При попытке бегства стрелять без предупреждения. Я не хочу, чтобы кто-то сбежал в туман.

Марш козырнул и ушёл отдавать приказы. Грейвз остался стоять у костра, глядя, как пламя лижет сырые дрова. Где-то в темноте, за полосой тумана, шумел океан.

ГЛАВА 2

1

Ночь прошла тревожно. Костер поддерживали, но туман не рассеивался. Люди спали урывками, вздрагивая от каждого шороха.

Туман не ушёл. Стал чуть светлее, не более. Серое марево висело над берегом, обволакивая скалы и обломки корабля, который торчал из воды как скелет выброшенного кита.

Грейвз поднялся раньше всех. Он стоял у потухшего костра, растирая затёкшие плечи, и смотрел на море. Элинон крепко спала и капитан не стал её будить. К капитану подошел штурман.

— Рано встали, капитан. Не спится?

— Да. Тебе тоже, Эллис?

— Всегда плохо сплю на новом месте, сэр.

Грейвз кивнул, бросил взгляд на палатку боцмана.

— Останешься за главного сегодня. Мы с Маршем пойдём на поиски разведчиков.

— Слушаюсь, сэр. Какие будут указания?

Капитан перечислил, что нужно сделать за день. Штурман молча кивал, запоминая.

— Всё понял, капитан. Будет исполнено.

Грейвз подошёл к палатке боцмана, заглянул внутрь.

— Марш! — позвал он негромко, но боцман, спавший чутко, как пёс, уже открыл глаза.

— Слушаю, сэр.

— Собирай отряд. Идём искать пропавших матросов. Заодно осмотрим берег. Я хочу осмотреться.

Марш поднялся, хрустнув шеей. Лицо его было опухшим после бессонной ночи, но глаза смотрели цепко.

— Надо кому-то передать мои обязанности, сэр.

— Я уже всё передал Эллису, он всем займётся. Ты нужен мне.

— Хорошо. Сколько человек, капитан?

— Четверых матросов с мушкетами. И из заключённых — троих, на подмогу. Таскать снаряжение.

Марш кивнул и пошёл собирать людей.

Через полчаса отряд двинулся в туман. Билл шёл предпоследним, сгорбившись, волоча за собой пустую флягу на верёвке. Кит оглядывался на лагерь, пока дымка не скрыла его совсем.

Туман начал редеть, и вскоре сквозь серую пелену пробились первые лучи солнца. Штурман Эллис, воспользовавшись просветом, отобрал с десятков заключённых покрепче и отправил их на берег — таскать брёвна для починки «Надежды». Других погнали чинить снасти и перебирать припасы. Лагерь загудел, заскрипел тачками, зазвенел инструментом.

Остальные заключенные, которых не привлекли к работам, остались за забором. Они сидели на холодном песке, заглядывая в щели частокола, как другие возятся с парусиной и ящиками.

Алекс осматривал матроса с травмой головы у костра. Элино́р проснулась, поправила платье и подошла к костру.

— Вас выпустили? — спросила она, садясь на камень неподалёку от Алекса.

— Кто-то же должен осматривать раненых, — ответил он, накладывая новую повязку матросу.

— Я то же самое говорила мужу. Но он сказал, что вы опасны.

— Он прав, — усмехнулся Алекс. — Я опасен. Я умею читать и считаю, что каждый человек имеет право на справедливость.

Элино́р не улыбнулась.

Алекс закончил с повязкой. Матрос, поблагодарив его, отошёл. Алекс остался у костра наедине с женой капитана. Неподалёку за ними наблюдал часовой, но не вмешивался.

— Вы насмехаетесь, Ренвик. А Томас всерьёз боится.

— Пусть боится. Это лучше, чем быть чересчур самоуверенным, особенно в таком месте. Они замолчали, глядя, как туман медленно плывёт над лагерем.

— Что вы думаете об этой земле? — спросила она тихо.

— Думаю, что это место... — Алекс задумался, подбирая слово. — Необычное.

— Почему вы так решили?

— Не знаю. Просто у меня нехорошее предчувствие. — Он понизил голос. — Слишком тихо. Этот туман как будто что-то скрывает. — Алекс помолчал, усмехнулся.

— Впрочем, может, это всё от одной из последних книг, что вы мне передавали. «О духах и привидениях» Дефо. Начитался, вот и кажется всякое.

Элино́р посмотрела на него, но ничего не сказала. Только плотнее запахнула шаль.

Часовой, проходя мимо костра, кашлянул, напоминая, что разговаривать с заключённым не положено. Она поднялась и ушла к парусиновому навесу, где лежали припасы.

Алекс остался один. Он ещё раз посмотрел в туман и задумался. Но не надолго, к нему уже подходил еще один матрос хромая на левую ногу.

2

Отряд, ушедший на поиски, брел вдоль берега. Марш шагал первым, держа мушкет наизготовку. За ним — капитан и все остальные. Следы пропавших разведчиков вились по песку, иногда пропадая на каменистых участках, но снова находились.

Грейвз шёл, то и дело оглядываясь по сторонам. Берег здесь был узким, всего несколько шагов от воды до подножия скал, поросших корявым кустарником. Трава — жёсткая, серая, похожая на осоку — росла пучками, пробиваясь сквозь песок. Дальше, на склонах, темнели низкорослые сосны с кривыми стволами, какие бывают на ветреных морских побережьях. Кое-где попадались деревья поваленные, с обнажёнными корнями, похожими на скрюченные пальцы. Воздух пах солёной влагой и гниющими водорослями. Капитан заметил несколько незнакомых растений — низкие кусты с мелкими восковыми листьями и чёрными ягодами. Таких он не видел ни в Англии, ни в Америке.

— Стойте, — сказал матрос по фамилии Хейл, которого считали лучшим следопытом в команде. Он присел на корточки, провёл пальцем по влажному песку. — Здесь они шли спокойно, шаг в шаг. А вот тут... — он перевёл взгляд на неровные вмятины, — тут они побежали. Видите? Пятки глубоко, пальцы рыхлят песок. Кто-то за ними гнался, или они что-то услышали.

— Лес, — буркнул Марш, глядя на тёмную стену кустарника и корявых деревьев, начинавшуюся в нескольких десятках шагов от берега. — Свернули в лес.

— Туда, сэр, — подтвердил Хейл, указывая на примятую траву и сломанные ветки.

Отряд углубился в чащу. Туман здесь был ещё гуще, деревья нависали серыми призраками, ветки цеплялись за одежду. Следы петляли, словно разведчики уже не знали, куда бегут. Потом они вывели к узкому ущелью — две скальные стены, поросшие мхом, сходились почти вплотную, оставляя проход в три фута шириной.

— Там, — выдохнул Хейл, заглядывая внутрь.

Первое тело нашли в двадцати шагах от входа. Разведчик лежал ничком, лицом вниз, спина была разорвана от плеч до поясицы. Марш перевернул его ногой — грудь вскрыта, рёбра вывернуты наружу, внутренности отсутствовали.

— Господи, — пробормотал Кит, отворачиваясь.

— Медведь? — спросил один из матросов.

— Похоже на то. — ответил Марш, не повышая голоса.

— Странно. — задумчиво заговорил Хейл. — Никаких следов зверя.

— Тут и следы не нужны, и так всё понятно. — буркнул Грейвз, поддерживая версию Марша.

Никто не стал спорить с капитаном. Тело вытащили, накрыли и продолжили поиски.

Хейл шагнул в ущелье. Свет снаружи померк, лишь бледные сумерки дрожали на шершавых стенах, но с каждым шагом они уступали место плотной, почти осязаемой тьме. Он шёл медленно, прижимаясь спиной к скале, стараясь ступать бесшумно. Тишина давила — ни ветра, ни капель, ни шороха собственных шагов, только глухое биение сердца в ушах.

Вдруг из темноты донёсся низкий, гортанный звук — то ли рык, то ли стон. Хейл замер. Внутри всё оборвалось. Разум шептал: «Почудилось. Просто нервы». Но страх уже сдавил горло, скрутил внутренности, заставил волосы на затылке встать дыбом. Он понял, что это, скорее всего, игра воображения, но страх было не остановить.

Ноги стали ватными, воздух — липким и тяжёлым. Он сделал ещё несколько шагов, но дальше идти не мог. Дыхание перехватило. Из черноты тянуло отвратительным, сладковатым запахом разложения. Хейл опустил глаза и увидел на камнях окровавленный рукав куртки — тот самый, в котором уходил пропавший матрос. Не раздумывая, он подхватил его, развернулся и, почти не помня себя, побежал назад, к свету. Он вернулся, держа в руке окровавленный рукав куртки. Внутри, обёрнутая в тряпку, лежала кисть с тремя пальцами.

— Остальное волоком утащили, сэр. Туда, — следопыт кивнул в глубь, где терялся свет.
— Видимо там логово.

— Забираем тело. Возвращаемся в лагерь, — приказал Капитан.

Матросы завязали останки в брезент. Старик Билл, стоявший поодаль, вдруг покашлял и подошёл к капитану.

— Сэр, — прошамкал он, — можно мне отойти? По нужде. Недолго, я мигом. Капитан скривился, но махнул рукой:

— Иди. Но не дальше двадцати шагов.

— Присмотри за ним. — приказал Марш одному из матросов.

Старик отошёл за выступ скалы, где густо рос папоротник. Отвернувшись от отряда, он расстегнул штаны и долго стоял, прикрыв глаза — сказывалась возрастная немощь. Закончив, застегнулся и уже собрался было вернуться, как нога его задела что-то твёрдое. Он опустил взгляд и увидел чёрную пластину на кожаном ремешке, наполовину присыпанную листвой. Рядом, в нескольких шагах, лежал скелет в истлевших лохмотьях, не похожих на матросскую одежду. Шейные позвонки были сломаны, череп повёрнут на бок, ноги вывернуты — видно, упал с высоты.

Билл поднял голову. Сквозь туман, нависая над ущельем, он разглядел очертания корабля. Старый, прогнивший, вросший в скалу. Мачты сгнили, борта обросли мхом, но форма ещё угадывалась. Корабль лежал на боку, зажатый между каменными стенами, словно его выбросило сюда чудовищной волной много лет назад.

Старик оглянулся на отряд — его не было видно за выступом, матрос присматривающий за ним смотрел куда-то в сторону. Он быстро нагнулся, поднял ту чёрную пластину. Предмет оказался холодным и тяжёлым — неподъёмным для такого маленького размера, будто сделанным из свинца или застывшей смолы. Формой равнобедренного треугольника, около 3 дюймов

по самой большой стороне. На поверхности мерцали знаки: не вырезанные и не выгравированные, а словно выросшие из камня, как прожилки на листе. Они слабо светились зелёным в сером свете тумана. С обратной стороны кожаный ремешок, старый, но не сгнивший. Старик повертел пластину в руках, сунул за пазуху и, поправив рубаху, прихрамывая, побрёл обратно.

— Всё, сэр, — сказал он капитану. — Только я там, в расселине, кое-что увидел.

— Что ещё? — Грейвз не скрывал раздражения.

Билл наклонился к капитану, прищурился, приоткрыв рот, от запаха Томаса пошатнуло. На месте передних зубов чернели пустые дёсны, остальные торчали жёлтыми кривыми обломками. Старик протянул трясущуюся руку, указывая вверх:

— Корабль, сэр. На скале.

Марш подошёл, взгляделся. Матросы замерли. Сквозь туман проступали тёмные очертания — нос, обломанные мачты, провалы иллюминаторов.

— Как он туда попал? — выдохнул Хейл.

— Волной выбросило, — предположил кто-то.

— Волной на тридцать ярдов вверх? — усмехнулся Марш. — Дурень.

Капитан подошёл к краю обрыва, достал из-за пазухи подозрную трубу — медную, потёртую, с трещиной на стекле, но ещё годную. Приставил к глазу, навёл на резкость. Сквозь мутную пелену тумана проступили очертания: высокий, вздыбленный нос, обломанные мачты, корма, украшенная когда-то резьбой, а теперь обглоданная временем. По обводам корпуса, по характерной форме надстроек он узнал старый испанский галеон — таких уже давно не строили.

— Галеон, — сказал Грейвз, опуская трубу. — Старый. Лет сто, не меньше. Надо осмотреть!

— Ищите проход! — Скомандовал боцман.

Все засуетились. Матросы разбрелись вдоль скальной стены, ощупывая камни, раздвигая кусты, заглядывая в расщелины. Через какое-то время один из матросов наткнулся на проход.

— Есть тропа, сэр, — сказал он, не оборачиваясь. — Похоже, звериная, но человеком тоже пользовались. Давно, правда.

— Вперед! — приказал Марш, подходя ближе.

Заключённые разгребли ещё немного веток, под которыми открылась едва заметная тропка, уходящая вверх между камнями. Хейл пошёл первым, отряд двинулся за следопытом. Тело разведчика было решено оставить.

Тропа вилась по склону, петляя между камнями и корявыми деревьями. Местами приходилось карабкаться на четвереньках, местами — перешагивать через поваленные стволы. Билл, несмотря на возраст и дрожащие руки, шёл без остановок, только тяжело дышал.

Через полчаса они вышли на плоскую площадку перед кораблём. Галеон лежал на боку, вросший в скалу, будто его сдавили каменные челюсти. Борта обросли мхом, палуба провалилась, мачты обломаны на разной высоте. От кормы остался только остов, но когда-то это было красивое судно — резные фигуры на галерее, хоть и стёртые, ещё угадывались.

— Испанец, — повторил Грейвз, оглядывая нос. — Середина прошлого века. Может, «Нуэстра Сеньора» или что-то вроде.

— Внутрь зайдём, сэр? — спросил Марш.

— Зайдём. Осторожно, пол может провалиться.

Матросы прорубили топорами лаз в обшивке. Внутри пахло гнилью, плесенью и чем-то сладковатым — как в склепе. Луч фонаря выхватил груды бочек, рассыпавшихся в труху, ржавые цепи, перевёрнутый сундук. Кости — человеческие — лежали в углу, присыпанные серой пылью.

— Пять скелетов, — пересчитал Хейл. — Похоже, заперты были. Вон засов с той стороны.

— Свои же заперли? — спросил Кит, сглатывая.

— Или враги, — ответил другой заключенный.

Осмотр не дал ничего ценного. Бочки — пусты, сундуки — разбиты, оружие — съедено ржавчиной. Только в капитанской каюте (той, что осталась от каюты) нашли проржавевшую шпагу и кожаный мешочек с тремя серебряными монетами — испанскими, конца семнадцатого века.

— Карт нет, — сказал Грейвз, разочарованно оглядывая развороченный стол. — Ничего, что помогло бы нам определить место.

Прихватили шпагу (на память) и мешочек с монетами. Потом спустились вниз, к лагерю.

— Возвращаемся, — скомандовал Грейвз. — Нужно еще успеть похоронить останки до заката.

Обратный путь занял меньше времени — тропа была уже знакома.

Отряд вернулся только к полудню. Марш шёл первым, хмурый и злой. За ним заключённые тащили что-то тяжёлое, завернутое в брезент. Грейвз, с задумчивым лицом, шагал последним.

— Разверните, — приказал он.

Матросы развернули брезент. На землю вывалилось тело — вернее, то, что от него оставалось. Один из пропавших разведчиков. Лицо разодрано, грудь вскрыта, рёбра торчали наружу, как спицы сломанного зонта. Все кто оставался в лагере собрались посмотреть, заключённые прильнули к частоколу и наблюдали через щели.

— Господи. Кто это мог сделать? — спросил часовой.

— Медведь, — буркнул Марш.

— Не похоже. — сказал кто-то из матросов.

— Может, волки? — предположил кок. — Стая голодных волков...

Грейвз закатил глаза и пошёл к своей палатке. Матросы продолжили спорить. Заключённые в изгороди шептались.

— Волки рвут глотки, а не грудную клетку, — сказал Сайкс повернувшись к Алексу — Я видел волчьи нападения в походах. Здесь другое.

— Согласен, но и медведя, который выдирает рёбра, не тронув мягкие ткани, я тоже не встречал.

— Отставить разговоры! — рявкнул Марш. — Это медведь. Огромный гризли или белый, я видел таких. Они с лёгкостью ломают рёбра одним ударом.

Галдёж прекратился.

— Подготовьте могилы, — сказал Марш, посмотрев на скалы. — Повыше.

Нескольких заключённых, под присмотром матроса, отправили копать могилы. Кит и старик Билл вернулись за частокол, где им снова надели кандалы. Кит подошёл к Сайксу и Алексу.

— Ужасная смерть, не хотел бы, чтобы меня разорвал медведь.

— Поверь, парень, — ответил Сайкс. — Никто этого не хочет.

Кит замолчал, увидев на лицах нежелание продолжать разговор о мёртвых разведчиках. Но вспомнил о корабле высоко в скалах и принялся рассказывать об этом, что привлекло внимание всех заключённых.

3

Пока большинство было увлечено рассказом об испанском галеоне, в группе заключённых, шептались двое — тот самый коренастый с татуировкой якоря, которого звали Бейтс, и его приятель Роуч, парень лет двадцати пяти с узким, пронырливым лицом.

— Пойдём, когда все уснут, — прошептал Бейтс. — В тумане нас не найдут.

— А что делать с надзирателем? — Роуч кивнул в сторону матроса с мушкетом, сидевшего у входа.

— Я придушу его. — Бейтс на секунду показал верёвку, спрятал обратно в карман. — Но ты должен выхватить у него мушкет.

— Понял.

— Главное — не поднимать шума.

— А если нарвёмся на зверя? — Роуч глянул в щель изгороди на растерзанные тела.

— Не нарвёмся. У меня есть план.

Вдоль частокола проходил часовой. Услышав шаги, оба сразу замолчали. Когда он прошёл, Бейтс покосился на надзирателя и, убедившись, что тот не смотрит, незаметно достал из-за голенища сапога тонкую металлическую пластинку — погнутую, но ещё крепкую.

— Откуда? — выдохнул Роуч.

— Сегодня, пока таскал ящики, нашёл в куче железного лома. Старая обшивка. Подпилил о камень. — он ухмыльнулся. — Отмычка.

— Кандалы откроет?

— Пф-ф. Замки старые, ржавые. Щёлкнуть — и свободен.

Третий заключённый, пожилой тихий человек, сидевший рядом, услышал их шёпот и покачал головой.

— Не ходите, — сказал он. — Расстреляют. Капитан приказал стрелять в беглецов.

— А ты не визжи, — зло бросил Бейтс. — Будешь молчать — не услышат.

Роуч пригрозил пожилому заключённому жестом, проведя большим пальцем по горлу и тот сразу же отвернулся.

Бейтс огляделся. Надзиратель не смотрит. Бейтс ловко вставил пластинку в замок своих кандалов — раз, другой, послышался сухой щелчок, и оковы упали. Он быстро проделал то же с цепями Роуча. Из темноты к ним подползли двое — парни помоложе.

— Возьмите нас, — прошептал один, хватая Бейтса за рукав. — Мы тоже хотим уйти.

— Замки отопрёте сами, — ответил Бейтс, протягивая пластинку. — Живее, пока никто не видит.

Один из парней взял отмычку, но пальцы его дрожали, и пластинка то и дело соскальзывала, звеня о железо. Прошла минута, другая — замки не поддавались.

— Да чтоб тебя! — фыркнул Бейтс, выхватывая отмычку. — Дай сюда.

Он щёлкнул замок одного, потом другого — быстро, привычным движением. Цепи упали на песок.

— Будете должны, — бросил Бейтс, пряча пластинку за голенище.

Четверо беглецов быстро подобрали цепи, делая вид, что замки по-прежнему заперты. Кандалы они держали в руках, чтобы не звякали, и сели на свои места, стараясь не привлекать внимания.

— Ждём ночи, — прошептал Бейтс. — В темноте уйдём.

— —

Вечер опустился на лагерь серой мглой. Костер горел тускло, дым смешивался с туманом и стелился по земле. Капитан Грейвз сидел у самого огня, на перевёрнутом ящике, и смотрел на угли. Элинор подошла тихо, села рядом, положила руку ему на плечо.

— Томас, — сказала она негромко. — О чём думаешь?

— Не нравится мне это место, — ответил Грейвз, не глядя на неё.

— Всё из-за этого медведя?

Капитан помолчал, потом признался:

— Не уверен, что это медведь. Мы с Маршем видели огромных гризли в Квебеке, но это точно не они. И гризли не водятся на побережье. — Он понизил голос. — А эти раны... они не похожи на звериные.

— А что же тогда? — Элинор придвинулась ближе.

— Не знаю. — Грейвз провёл ладонью по лицу. — И это тревожит меня больше всего.

— Тогда почему ты не сказал команде правду?

— Нельзя, — твёрдо ответил капитан. — Незнание пугает, страх порождает панику. А паникующие не поддаются контролю. — Он вздохнул. — Пока они верят в медведя — они спокойны. И так и должно быть.

Элинор хотела что-то сказать, но промолчала.

Грейвз потянулся к фляге, открыл крышку, сделал долгий глоток. Рука его дрожала.

— Всё будет хорошо, — сказал он, стараясь придать голосу уверенность. — Починим корабль и отчалим отсюда.

— Сколько нам ещё здесь быть? — спросила Элинон.

— Неделя-полторы, если туман рассеется. Может, две. — Он снова приложился к фляге, вытер губы тыльной стороной ладони. — Мы справимся.

Элинон хотела сказать что-то ещё, но в этот момент из темноты вынырнул Марш.

— Капитан, — боцман козырнул. — Вернулись разведчики, которых вы посылали на запад. Нашли ручей. Чистая вода, течёт быстро. Можно будет набрать бочки.

Грейвз кивнул, пряча флягу в карман сюртука.

— Наконец-то хорошие новости. Завтра с утра отправьте людей за водой.

— Есть, сэр. — Марш бросил быстрый взгляд на Элинон и отошёл, но через несколько шагов вернулся. — Капитан, для похорон всё готово. Тело матроса обмыли. Ждут только вас.

Грейвз поднялся, поправил сюртук.

— Идём.

— Я с тобой, — сказала Элинон. Капитан кивнул, не споря.

Они направились к скалам, где матросы уже выкопали в две неглубокие ямы — рядом, на возвышенности, чтобы волны не достали. Туман здесь был реже, и неподалёку, сквозь серую пелену, проступала высокая гора с крутыми склонами, поросшими тёмным лесом. Грейвз прищурился, пытаясь разглядеть, наклонился к Маршу, стоявшему рядом, и тихо спросил:

— Это что, гора?

— Так точно, сэр, — так же тихо ответил боцман. — Высокая.

Капитан помолчал, окинул взглядом склон.

— Завтра с утра отправишь разведчиков по двое — с северного и южного склона. Пусть поднимутся над туманом и осмотрятся. Надо понять, где мы.

— Есть, сэр.

— Как звали погибших? — тихо спросил Грейвз, не поворачивая головы.

— Уильям Браун и Сэмюэл Кларк, сэр, — ответил Марш. — Оба из Плимута. Капитан кивнул, сжав губы.

Первое тело, завернутое в парусину, лежало на плоском камне. Рядом, в отдельном свёртке, — то, что осталось от второго: рука в окровавленном рукаве, обёрнутая тряпицей. У ног притулились заступ и кирка.

Грейвз встал перед ямами, снял шляпу. Элинон замерла чуть поодаль, прижимая к груди платок.

— Мы собрались здесь, — начал капитан, и голос его звучал глухо, перекрывая шорох прибоя, — чтобы проводить наших товарищей. Уильяма Брауна и Сэмюэла Кларка. Они были... — Он запнулся, наморщил лоб, пытаясь вспомнить.

— Из Плимута, сэр, — негромко подсказал боцман. — Оба.

— Из Плимута, — повторил Грейвз. — Они служили на «Надежде» кто два года, кто год. Были честными матросами. Море забрало их, но не в пучине, а на этой земле, которую мы не знаем.

Он помолчал, сжав шляпу в руках.

— Господь принимает всех, кто честно нёс свою службу. Браун и Кларк несли. Упокойте их души.

— Упокойте, — нестройно отозвались матросы.

Марш махнул рукой. Четверо подошли, подняли тело Брауна, опустили в первую яму. Потом положили свёрток с останками Кларка во вторую. Посыпались камни, глухо ударяя о парусину и тряпицу. Матросы заложили проёмы плоскими обломками, чтобы ветер не расстрепал саваны. После, достав заранее приготовленные кресты — два грубых, сколоченных из обломков досок, принялись вбивать их в землю у изголовья. Удары глухо разносились в тумане, смешиваясь с шумом прибоя. Потом кто-то перекрестился, за ним другие. Постояли молча, опустив головы.

Грейвз надел шляпу, повернулся к Элино́р.

— Пойдём.

Они вернулись к костру. Капитан сел на ящик, достал флягу, сделал долгий глоток. Элино́р присела рядом.

— Ты пьёшь, Томас. — тихо сказала она.

— От усталости, — ответил капитан, не глядя на неё. — Иди отдыхай, Элино́р. Завтра будет трудный день.

Она помедлила, потом поднялась и ушла в палатку. Грейвз остался у костра, достал флягу снова и долго смотрел на пляшущее пламя, прежде чем сделать ещё один глоток.

Ночь опустилась на лагерь сырая и чёрная. Туман сгустился так, что в двух шагах ничего не было видно. Костер догорал, угли мерцали багровыми глазницами. Люди спали. Надзиратель клевал носом, прислонившись к ружью.

Когда всё стихло, Бейтс подтолкнул Роуча. Тот кивнул. Выждав, пока часовой скроется в тумане, четверо беглецов бесшумно освободились от кандалов, отодвинули цепи и, пригибаясь, поползли к выходу. Бейтс потянул из кармана верёвку, но Роуч остановил его жестом — надзиратель и так спал крепко, не шелохнувшись. Они тихо проскользнули мимо и двинулись прочь из лагеря. У края света, где туман сгущался в непроглядную стену, они поднялись и, не оглядываясь, шагнули в белую муть.

ГЛАВА 3

1

Светало. С моря дул порывистый и холодный ветер, который трепал парусину навесов и срывал брызги с гребней волн. Туман клочьями носился над лагерем, то открывая серое небо, то снова затягивая всё молочной пеленой. Прибой грохотал тяжело, с раскатистым гулом, будто океан выдыхал после долгой ночи.

Внезапно шум природы разбавил крик матроса:
— Побег! Заключённые сбежали!

Матрос-надзиратель, дежуривший у входа, орал благим матом, тыча рукой в пустое место, где ещё вчера сидели четверо скованных. Цепи валялись на песке — замки были аккуратно вскрыты.

Лагерь мгновенно проснулся. Люди выскакивали из-под парусины, хватались за мушкететы, бегали, сталкивались. Элинон, бледная, в одной шали, выглянула из палатки. Капитан Грейвз ещё крепко спал, после вчерашнего.

Боцман Марш, на ходу застёгивая куртку, подбежал к надзирателю. Ветер швырнул ему в лицо горсть песка — боцман прищурился, сплюнул и рявкнул:

— Сколько? Кто?

— Четверо, сэр! Бейтс, Роуч, Хилл и Оуэнс, сэр. Цепи вскрыты. Ушли ночью.

Марш резко повернулся к надзирателю, который, опустив глаза, переминался с ноги на ногу.

— А ты, значит, спал? — процедил боцман, вплотную приблизившись к нему. — Чёртов соня! Упустил четверых, а сам хоть бы пикнул.

— Виноват, сэр, — выдавил тот, не поднимая головы. — Уж больно устал...

— Молчать! — рявкнул Марш.

В этот момент с берега прибежал запыхавшийся матрос.

— Сэр! Одна Шлюпка пропала.

Марш выругался сквозь зубы. В этот момент из палатки вышел Грейвз, прикрываясь рукой от серого света и ветра. На секунду он замер, глядя, как с моря накатывают тяжёлые волны и с грохотом разбиваются о берег.

Из-за парусинового навеса показался штурман Эллис — растрёпанный, с мушкетом. Он подошёл, встал поодаль, молча ожидая.

— Марш, докладывай.

— Четверо заключённых сбежали ночью, капитан. Увели шлюпку.

— Дует крепко, — сказал капитан, прищурившись. — На вёслах по таким волнам далеко не уйти. Их прийдёт к берегу западнее лагеря, в миле-другой. Готовь отряд.

— Сколько человек, сэр?

— Отправь четверых.

— Разрешите мне, капитан, — шагнул вперёд Эллис. — До того как стать штурманом, я служил в береговой страже. Приходилось выслеживать контрабандистов. Смогу найти беглецов.

— Хорошо. — согласился Грейвз. — Собери отряд. Одного-двух доставьте для показательной казни, остальных пристрелите, как бешеных собак.

Эллис кивнул и поспешил собирать отряд. Марш нахмурился.

— Людей не хватает, сэр. Разведка, вода, и ремонт корабля не ждёт.

— Привлеките больше заключённых, — ответил Грейвз. — Если эти, — он кивнул головой в сторону заключённых — не присоединились к беглецам значит у них кишка тонка. Вряд ли они доставят неприятностей. Нужно быстрее выбираться отсюда.

— Понял, сэр.

Марш козырнул и побежал отдавать приказы.

2

Через час лагерь гудел, как потревоженный улей. Штурман Эллис, взяв трех матросов ушёл на поиски шлюпки вдоль берега.

Две пары — матрос с заключённым — отправили на противоположные склоны горы. В одну из них попал Алекс.

Пока он перекидывал через плечо тощую сумку с флягой и сухарями, Элинон стояла у капитанской палатки, делая вид, что поправляет платок. Ветер трепал её волосы, выбившиеся из узла, но она не замечала холода. Она смотрела на Алекса — как он хмурится, как переговаривается с рыжеволосым матросом.

Их взгляды встретились на мгновение.

Алекс чуть заметно улыбнулся и поднял руку — не то чтобы помахал, а скорее приветственно вскинул ладонь, как старый знакомый. Элинон быстро огляделась: матросы возились со снаряжением, Марш орал на кого-то у шлюпок, капитан стоял спиной, глядя на море. Она улыбнулась в ответ и коротко кивнула, прижав руку к груди — так, чтобы никто не заметил.

Алекс отвернулся первым. Следом за матросом он зашагал к южному склону. Элинон ещё смотрела ему вслед, пока капитан не окликнул её:

— Элинон, помоги с парусиной. Ветер совсем сорвёт навес. Она вздрогнула, поправила шаль и пошла к нему.

Сайкс, Кит и двое крепких заключённых — их звали Дженкинс и Маллой — уже подняли на плечи перекладины с подвешенными пустыми бочками. Командовал ими пожилой матрос Спенсер, которого все звали просто «Дядя Джек». С ними пошёл ещё один матрос по имени Сэм, молодой, но крепкий, для подстраховки. Дядя Джек был спокоен, нетороплив, но мушкет не выпускал из рук.

— Вперед, орлы, — сказал он, когда бочки закрепили. — Да поторопитесь, путь не близкий!

Сайкс хмыкнул, но ничего не ответил.

Ремонтная бригада, составленная из оставшихся заключённых под надзором корабельного плотника и двух матросов, уже таскала доски и паклю к месту пробоины.

— —

Дорога к ручью заняла около часа. Сначала шли по берегу, потом свернули в лес, где тропа вилась между замшелыми камнями. Дядя Джек шёл первым, то и дело оглядываясь на заключённых, которые несли бочки на перекладинах. Колонну замыкал молодой матрос.

Лес здесь был странный — деревья низкие, кривые, с облезлой корой. Ветви свисали почти до земли, переплетаясь, образуя серые тоннели. В воздухе пахло гнилью и сыростью, но воды не было слышно.

— Долго ещё? — спросил Кит.

— Тихо, — оборвал его Дядя Джек.

Они вышли на поляну, где среди камней бил родник. Вода была холодной, чистой, без запаха. Пока молодой матрос осматривал окрестности, заключённые наполняли бочки. Наконец последняя наполнилась, и Спенсер уже хотел отдавать приказ возвращаться, как вдруг Сэм крикнул из зарослей:

— Дядя Джек, сюда! Я кое-что нашёл! Вы должны взглянуть. Спенсер помялся, потом махнул рукой:

— Оставьте бочки здесь, на минутку. Идём, поглядим.

Отряд двинулся за Сэмом. Он привёл их к небольшой ложбине, где сквозь заросли папоротника и мха проступали остатки каменных строений. Крыши давно провалились, стены покосились, вросли в землю по самые оконные проёмы. Деревья росли прямо из развалин, переплетая корни с камнями. В центре темнел древний колодец — сложенный из грубо тёсаного камня, наполовину заваленный землёй.

— Это... деревня, — прошептал Кит, озираясь.

— Была деревня, — поправил Сайкс, разглядывая руины. — Слышал я историю про одно такое место. Когда-то давно, ещё до Рождества Христова, жили там люди. Да не простые — всё больше знахари да колдуны. Поговаривают, они с духами лесными речи вели, мёртвых поднимали из земли, чтобы те им тайны открывали, и травы такие знали — отваром из них можно было и хворь унять, и порчу наслать.

Все внимательно вслушивались в историю. Стараясь даже наступать бесшумно.

— А только перешли они однажды дорогу одному влиятельному человеку, — продолжил Сайкс. — То ли власть не поделили, то ли тайну какую запретную украли. Тот, говорят, разозлился на них и заплатил убийце, чтобы ночью, когда все спали, он отравил воду в колодце. К утру вся деревня валялась мертвой — кто у колодца замертво рухнул, кто на пороге дома, кто так и не проснувшись на своей лежанке.

Кит слушал, не проронив ни слова. По спине побежали мурашки, волосы на затылке зашевелились. Он невольно перевёл взгляд на колодец, и ему показалось, что из его чёрной глубины кто-то смотрит.

— И никто их не похоронил — так и остались тела гнить среди домов. Вот оттого души тех людей навеки прикованы к этому месту. До сих пор, рассказывают, бродят они по ночам среди развалин, стонут да плачут, а коли заглянет к ним живой человек — за собой утащат, в тот самый колодец...

— Чего ж ты раньше не сказал? — усмехнулся Дядя Джек, который не верил в такого рода рассказы.

Матрос Сэм громко засмеялся. Кит выдохнул и даже улыбнулся за компанию. Сайкс замолчал, отвернулся, оглядывая развалины, и невольно поёжился. Все продолжили осматривать руины уже в тишине.

Кит подошёл к полуразрушенной стене, где уцелела кладка. Внимательно оглядел камни — одни были серыми, другие с красноватым отливом, а один, у самой земли, выделялся из общей кладки. Чёрный, «Обсидиан» — подумал Кит. Отколовшийся кусочек лежал тут же, у корней. Он нагнулся, поднял его, повертел. На камне были едва заметные зеленоватые прожилки, похожие на сосудики на листе.

Он торопливо сунул находку в карман, пока никто не видел, и перевёл взгляд на стену. На одном из камней, покрытом лишайником, он заметил аккуратно выбитые знаки — цифры и точки.

— Смотрите, — позвал он, проводя пальцем по углублениям. — «V: VIII». — Он нахмурился. — Что это может значить?

Дядя Джек подошёл, прищурился.

— Не знаю, парень. Похоже на пропорцию, пять к восьми — Он помолчал, потом сделал пару шагов назад и осмотрел руины. — А может размеры здания.

— Может дата строительства? — предположил Дженкинс. — Пятого августа.

— Почему тогда год не написали? — спросил Сэм. Дженкинс только пожал плечами.

— Идём назад. — скомандовал Спенсер, сделав вывод, что ничего интересного здесь больше нет.

Они вернулись к ручью, взвалили бочки на перекладины и двинулись в сторону лагеря.

3

В это же время Алекс и его напарник — матрос по имени Уильям Грей, рыжеволосый парень лет двадцати, с веснушчатым лицом и добрыми глазами — поднимались на южный склон горы.

— Устал? — спросил Грей, когда они остановились передохнуть.

— Не привык ходить по горам, — ответил Алекс, переводя дух. — В Лондоне гор не было.

— А я из Шотландии, — усмехнулся Грей. — С детства по холмам лазил, так что привык. Он помолчал, покосился на Алекса.

— Как так вышло, что хирург стал заключённым? Не каждый день такое встретишь.

— А ты как думаешь, легко ли стать каторжником, если перейти дорогу людям у власти? — спросил Алекс, не глядя на него. — Или если твои знания кому-то кажутся опасными?

Грей пожал плечами.

— Капитан велел за тобой присматривать.

— Я не удивлён, — усмехнулся Алекс. — Один важный лорд в Лондоне лично попросил капитана сделать мою жизнь невыносимой. Но мне несказанно повезло, что наш корабельный врач случайно погиб, — он кивнул в сторону лагеря. — Иначе я бы сейчас сидел в цепях, а не лечил матросов и уж точно не поднимался в горы.

— Так а в чём по итогу обвинили?

— Дуэль. И вольнодумство. — ответил Алекс. — Приговорили за то и другое. Видите ли опасен для общества.

Грей хмыкнул.

— А ты опасен?

— Не знаю. Может быть. — Алекс посмотрел на матроса. — А ты как здесь оказался?

— Завербовался в Бристоле. Долгов наделал, надо было отмазаться. Капитан Грейвз платит хорошо... ну, если доплывёшь. — Грей недолго помолчал. — Кстати, я тебе так и не сказал спасибо, — он вытер пот со лба. — За то, что вывих вправил.

— Не стоит, — ответил Алекс. — Я эту профессию выбрал, потому что мне нравится помогать людям. Даже если они с другой стороны баррикад. И я рад, что команда, в большинстве, вежливо ко мне относится.

— Ну-у, — протянул Грей. — Кусать руку, которая тебя штопает, никто не хочет.

Ветер к полудню успокоился. Складывалось впечатление, что его совсем нет — ни шороха в кустах, ни шевеления тумана. Тишина стояла такая, что стало слышно, как где-то далеко капает вода с камней.

— Ещё немного, — сказал Грей.

Они поднялись выше. Лес стал реже, деревья расступились. Алекс заметил, что туман, который ещё недавно клубился вокруг, начал редеть. Сначала показались просветы между

стволами, потом — далёкие очертания скал. Ещё несколько шагов — и они вышли на гребень, где туман остался внизу, расстелившись под ногами белым молоком.

— Мы над туманом, — сказал Грей, оглядываясь.

Внизу, под ногами, простиралась земля — скалы, леса, береговая линия, изогнутая подковой. Туман покрывал сушу белым одеялом, но на высоте он не мешал смотреть, и открывалось море — бескрайнее, серое, сливающееся с небом. Противоположного берега видно не было.

— Красиво, — выдохнул Грей. — Интересно что видно с другой стороны?

— Сейчас узнаем. — ответил Алекс.

Он обернулся, пытаясь разглядеть северный склон. Оттуда, из-за гребня, доносились голоса — другие разведчики, посланные на север, тоже достигли вершины.

— Эй! — крикнул Алекс. — Что видите?

— Вода! — донеслось в ответ. — Со всех сторон вода, сколько хватает глаз!

— И у нас то же самое, — крикнул Грей.

Алекс замолчал. Теперь сомнений не оставалось.

— Остров, — сказал он. — Мы на острове.

Алекс присел на камень, опустил голову. Остров. Не материк, не побережье Америки. Неизвестный остров, которого нет на картах. И никто не знает, где они.

4

Отряд во главе со штурманом Эллисом брёл вдоль берега на запад. Ветер к полудню утих, но волны ещё катились тяжёлые, с белыми гребнями. Шлюпки беглецов нигде не было видно.

— Думаете, их прибило к берегу? — спросил молодой матрос, шагавший рядом с Эллисом.

— Уверен. — ответил штурман, щурясь на море. — Сильный прибой, ветер дул в берег. Должны были выброситься где-то неподалёку.

— А если перевернулись?

— Если перевернулись — найдём тела.

Они прошли ещё с четверть мили. Вдалеке, у подножия скал, Хейл заметил тёмное пятно.

— Шлюпка, — сказал он, ускоряя шаг.

Лодка лежала на боку, наполовину в воде, вёсла валялись рядом. Следы — чёткие, глубокие — вели от шлюпки вверх по песчаному склону, к зарослям кустарника.

— Ушли в лес, — сказал Эллис. — Хейл, ты первый по следам. Остальные — за мной, держать мушкеты наготове.

Отряд свернул с берега. Следы вились между камнями, иногда терялись, но Хейл уверенно вёл дальше. Через несколько минут он поднял руку — стоп. Впереди, у корявой сосны, лежало тело.

Первый беглец. Тот, с татуировкой якоря — Бейтс. Грудь разорвана, рёбра вывернуты наружу, лицо залито кровью.

— Господи, — выдохнул один из матросов и перекрестился.

Отряд насторожился. Люди сбились плотнее, чаще заозирались по сторонам, крепче сжимая мушкеты. Кто-то перекрестился ещё раз, кто-то невольно попятился. В тишине леса каждый треск ветки заставлял вздрагивать.

Следы троих уходили дальше, в глубь леса. Отряд двинулся осторожно, стараясь ступать бесшумно. Воздух стал тяжёлым, давящим. Страх накатывал медленно — сначала на периферии сознания, потом всё плотнее, пока не сжал грудь каждому. Люди переглядывались, не решаясь говорить.

Прошли ещё двести футов — и наткнулись на второй труп.

Роуч. Точнее, то, что от него осталось — тело было перерублено пополам, внутренности вывалены на землю. Вокруг было очень много крови.

— Да что это за зверь такой? — прошептал матрос.

— Зверь, который это сотворил, должен был хоть что-то оставить, — ответил Хейл, вглядываясь в следы. — Но ни здесь ни возле того трупа я не заметил ни следа, ни шерсти какого-нибудь животного.

Они обошли поляну. Следы только одного человека покидали это место и вели к скалам. Четвёртого беглеца нигде не было видно.

— Куда он мог подеваться? — озадачился Хейл, оглядываясь.

— Может его сожрали? — спросил один из матросов.

— Без остатка? — усомнился Хейл.

— Ищем, — приказал Эллис. — Мы что-то упустили. Он же не мог сквозь землю провалиться!

Матросы разошлись по краю поляны, осматривая кусты и стволы. Вдруг один из них замер — ему на голову упала капля. Тёплая, липкая. Он не успел вытереть её, как вторая шлёпнулась на щеку — тягучая, с противным сладковатым запахом. Матрос дёрнулся, отшатнулся и, задрав голову, уставился вверх.

Высоко, на толстом суку старого дерева, висело тело. Оно было насажено на ветку так, что та пронзила грудь насквозь и вышла где-то у лопатки. Молодой парень, один из беглецов. Руки и ноги безвольно болтались вниз, сведённые посмертной судорогой пальцы растопырились, будто он пытался ухватиться за воздух. Лицо застыло в гримасе ужаса — рот перекошен, глаза выпучены, смотрят в разные стороны. С одежды и из раны всё ещё сочились кровь, падая редкими каплями вниз, на листья и траву.

— Господи Иисусе... — прошептал матрос, пятясь назад. — Как он туда попал?

Остальные, подняв головы, крестились. Хейл выругался сквозь зубы. Эллис побледнел и отвернулся, прижимая платок к лицу. Тишина стала тяжёлой, липкой, как та кровь на щеке.

— Немыслимо, — выдохнул Эллис, крестясь. — Как его туда занесло?

— Пантера, — предположил один из матросов. — Они затаскивают добычу на деревья.

— В этих широтах пантеры не водятся, — отрезал Эллис.

— А вдруг забрела? Одна, с корабля какого? — не сдавался матрос.

— Даже если бы забрела, — штурман покачал головой, — не смогла бы разорвать человека пополам. И рёбра выломать.

— А кто тогда?

Эллис, ничего не ответив, закатил глаза и помотал головой. Хейл посмотрел на Эллиса. — Что прикажете, сэр?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.